

Журнал Пионер

№4 за 1981 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №4 за 1981 год / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-458-44495-8

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44495-8

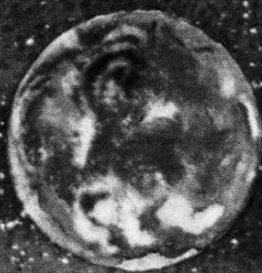
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Было около трех часов ночи, когда испытатели начали последний контроль всех систем «Востока».

За четыре часа до старта прошла проверка связи со всеми НИПами*. Никто не спал на НИПах в эту ночь от Камчатки до западных границ. Впрочем, на Камчатке давно уже был день...

Около шести часов на старт пришла машина медиков, привезли тубы и пакеты с пищей. Уложили продукты — это последняя операция перед посадкой космонавта. Значит, все. Неужели все? Все, все...

Королев позвонил в лабораторию. Карпов доложил: космонавты уже в скафандрах. Титова одели первым, чтобы Гагарин меньше парился в скафандре (в то время вентиляционное устройство можно было подключать только в автобусах). Медики протягивали Юрию листки бумаги, просили автограф на память. Он расписывался и удивлялся: никто в жизни никогда не просил у него автограф. Кто-то протянул даже служебное удостоверение. Чудеса!

Наконец, посадка в автобус. Путешествие старшего лейтенанта Юрия Гагарина вокруг земного шара началось.

— Едут! — громко крикнул кто-то из испытателей с фермы обслуживания. К бетонным плитам стартовой площадки катил бело-голубой автобус. Разговоры смолкли. Председатель Государственной комиссии медленно пошел навстречу автобусу, следом потянулись другие члены Государственной комиссии, робкая группа космонавтов в кожаных летных куртках. Первым из автобуса выскользнул врач в белом халате, протянул руку, помог Гагарину спуститься на землю. Юрий прошел метров десять. В походке его была какая-то милая неуклюжесть игрушечного медведя. Остановился, помолчал секунду и начал доклад:

— Товарищ Председатель Государственной комиссии...

По лицам людей, смотревших на него, Гагарин понял, что они ждут, чтобы доклад поскорее кончился, что всем не терпится обнять его, сказать совсем другие слова...

Целоваться с Гагариным было трудно: ме-

шал шлем. Все стукались лбами о прозрачное забрало наверху. Прежде чем шагнуть к ракете, Юрий обернулся к группе космонавтов и крикнул:

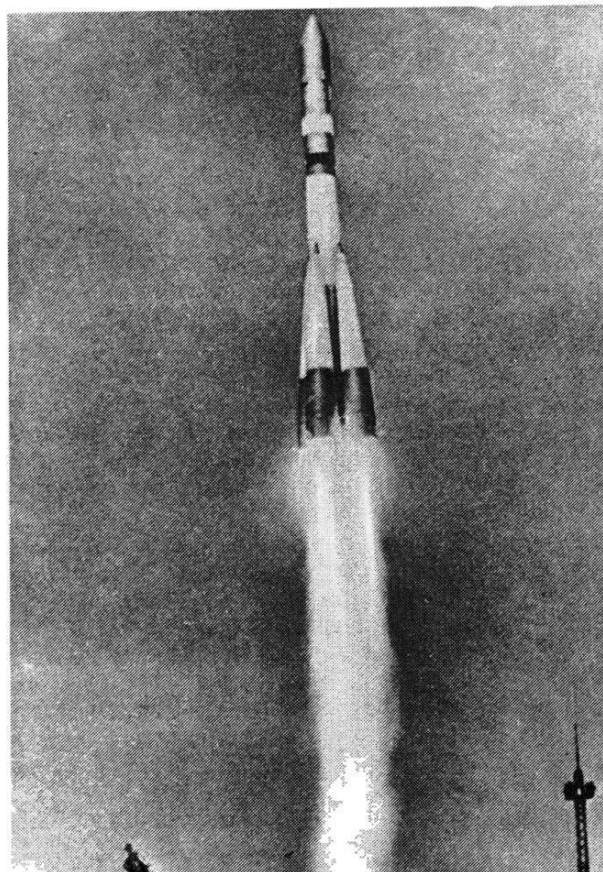
— Ребята, один за всех и все за одного!

Перед дверцей кабины Гагарин снова оглянулся, помахал стоящим внизу людям. Ему аплодировали, что-то кричали. Королев махал своей велюровой шляпой. Лифт пополз вверх. Усадили Юрия в корабль, похлопали его по затылку шлема перед тем, как задрать люк. Из репродукторов громкой связи прозвучал строгий голос:

— Всем присутствующим на старте, не занятым в работе, покинуть площадку!

Юрий Гагарин стоял на пороге Космоса.

Короткая и яркая жизнь Гагарина изучена в деталях. Подробно прослежен путь гжатского мальчика к вершине его славы и далее, к той трагической дате, что ударила его влет, как выстрел птицу. Большинство исследователей упрямо говорят об исключительности Юрия и в то же время утверждают, что он вроде бы ничем не выделялся среди других, не «давил»

* НИП — наземный измерительный пункт.

окружающих своей личностью, был «как все». Как же это понять? Я много раздумывал об этом, вспоминал все свои встречи с ним, расспрашивал людей. А понял зимой 1975 года, на космодроме Байконур, когда провозжал в полет экипаж «Союза-17». В коридоре гостиницы встретились мы с Виктором Порохней, товарищем юности Гагарина. Мы разговаривали о Юре, и Порохня сказал одну замечательную вещь.

— Вы знаете, — сказал он, — во многих статьях и книгах пишут, что в Саратове, учась в техникуме, Юрий «заболел небом», что он с тех пор не мог представить себе жизни без авиации. Но ведь это не совсем так. Гагарин действительно с увлечением учился летать. Но я не помню случая, чтобы он говорил, будто хочет стать именно летчиком. Я убежден, что если бы техникуму было предоставлено право послать в металлургический институт не пять, а восемь своих студентов и Гагарин попал бы в этот список, он назерняка поступил бы в

Гагарин был умен. Умен тем крепким, трезвым, ясным крестьянским умом, которым часто отмечен бывает русский человек. Широко образованным эрудитом я бы не назвал его. Но важно другое — он хотел стать таким!

Он хотел стать и становился уже универсальным специалистом в области космонавтики. Когда я увидел Гагарина в Центре дальней космической связи во время полета межпланетной станции, я, помню, подумал: а он зачем здесь? Какое дело ему было до этих автоматов? Я спрашивал специалистов Центра, они отвечали: его интересовала методика управления с Земли. Хотел знать, как и где проходит сигнал, как он преобразуется, дешифруется, все хотел знать до тонкостей.

Жажда знания — можем ли мы не учитывать это прекрасное качество, когда объясняем, почему именно Юрия Гагарина выбрали для первого полета в Космос?

Вчитайтесь в его биографию, и вы заметите, что он всегда, с самых юных лет очень много

Юрий Гагарин — курсант Саратовского аэроклуба.

Космический рейс закончен. Облетев планету, Гагарин приземлился в Саратовской области — как раз там, где учился летать на самолетах.

институт. Ведь с металлургией у него получалось, она ему нравилась, он хотел учиться. Я думаю, из него непременно получился бы очень толковый инженер или научный работник...

Гагарин был талантлив. Не в том смысле, который вкладываем мы в это слово, когда говорим о вундеркиндах, нет! В нем не было того тонкого и очень яркого луча гения, который вспыхнул в раннем детстве Моцарта или Пушкина. В нем медленно, но упорно разрастался и ровно горел свет ума и таланта.

Часто путают ум и образованность. Это совсем разные вещи. Можно быть широко образованным эрудитом и оставаться глупцом. А умным может быть и неграмотный человек.

работал. Мне приходилось видеть Гагарина отдыхающим, но я не помню его праздным. Даже когда он отдыхал, он отдыхал активно, энергично, деятельно, так же, как и работал. Он был постоянно чем-то занят: делом, людьми, книгами, мыслями.

Он научился работать рано. В те годы, на которые выпало его детство, деревенские (да и городские тоже) мальчишки рано становились «мужичками» — людьми ответственными, деловыми. Война сократила его детство и рано заставила трудиться, а потом он не останавливался уже всю жизнь. У него было подчеркнутое уважение к любой работе, будь то новая ракета, журнальная статья или вспаханное поле.

И когда говорят о гагаринской скромности,

то корни ее тоже здесь, в его постоянном трудолюбии и уважении к работе другого человека. Он был скромным не только потому, что родился таким. Он был скромным потому, что ясно представлял меру своего труда и меру труда множества других людей в том, что принесло ему его неслыханную славу. И еще в Гагарине была человечность. Достаточно было понаблюдать его беседующим с матерью или играющим с дочками, чтобы понять это. Он был ласков. Он делал в срок то, что обещал. Он был веселый. Он помогал другим. Он верил в мужскую дружбу и в женскую любовь. Он человеком был.

...Прежде чем стать Героем, для того, чтобы стать им, он жил, как мы, рядом с нами, среди нас. А став Героем, не изменился в общем-то. Просто жил теперь на виду.

Люди увидели его первый раз, когда он прилетел в Москву после возвращения из космоса. Как замечательно он ехал по Москве! Не только ликование и веселье — от него шли какие-то волны жизнерадостного мироощущения, какого-то творческого оптимизма. «Вот он — живой, здоровый, едет, машет, а ведь где был! Вон, оказывается, что мы можем!» Люди становились увереннее в себе. Мы все стали более гордыми в то утро за свою принадлежность к человеческому званию, к своей стране и к народу, такое дело грандиозное совершившему. Хотелось работать, работать непременно талантливо, делать обязательно значительное. «Братцы, надо быть и нам теперь получше, нынче уже нельзя, как вчера», — вот какой подтекст чудился в том апрельском ликовании.

Через три месяца я встретился с ним в Крыму. Гагарин с семьей и Герман Титов отдыхали в Тессели на старой даче, где когда-то жил Максим Горький. Помню, тогда я спросил Гагарина:

— Я все понимаю, ты был уверен в технике, но как ты мог спать накануне старта?! Даже перед трудным экзаменом плохо спишь...

— Что же, значит, сонному лететь, да? — отвечал он на вопрос вопросом. — Надо было спать — и спал. И Герман тоже...

Какая-то была в нем простая, ясная дисциплина. Он охотно подчинялся, когда знал, что люди, приказывающие ему, знают дело лучше, чем знает он, и беспокоятся о нем больше, чем он беспокоится о себе.

Гагарин сначала облетел, а потом объехал весь шар земной. Его называли «послом мира». Уверен, что вклад Гагарина в укрепление дружбы и сотрудничества нашей страны с другими странами не меньше, чем вклад самого искусного нашего дипломата.

Он был послом молодежи, чрезвычайным и полномочным послом комсомола. Год 1962-й. Всемирный фестиваль молодежи в Хельсинки. Сотни встреч, десятки речей. Он говорил о мире на Земле, потому что видел, как она красива, все ее океаны и материки. Оттуда, из

космоса, неразличимы государственные границы, отсюда планета видится просто большим и прекрасным человеческим домом, и все честные люди ответственны за мир и порядок в нем.

За рубежом не раз старались сбить его вопросом, поставить в неловкое положение, припереть к стене. Не знаю ни одного случая, когда бы это удавалось сделать. Он был убежденным, знающим человеком. И он был поразительно находчив, и часто именно те, кто хотел посадить его в лужу, «намокали» сами.

В Японии — прелестные игрушки. Гагарин

Через несколько часов после приземления Юрий Алексеевич Гагарин прибыл на отдых в Куйбышев.

пошел в магазин и купил подарки своим дочкам. Вечером — пресс-конференция. Среди множества вопросов совсем неожиданный, с «подковыркой»:

— Нам известно, мистер Гагарин, что вы везете домой детские игрушки. Неужели даже ваши дети, дети первого в мире космонавта, не могут иметь в Советском Союзе хорошие игрушки?

В вопросе уже не скрытый, совсем явный подтекст: вот, мол, в Советском Союзе даже игрушек нет.

— Я всегда привожу подарки моим дочкам, — сказал с улыбкой Гагарин. — Мне очень хотелось сделать им на этот раз сюрприз: привезти японские куклы. Очень жаль, что вы заговорили о моей покупке. Завтра об этом напишут в газетах и, возможно, даже узнают в Москве. Сюрприза не будет. Вы испортили праздник двум маленьким девочкам.

«Авиация и космос неразделимы», — говорил Гагарин. Недаром он первый носил гордое звание «летчик-космонавт СССР».

Гул в зале. Тот одобрительный журналистский гул, когда ответ попадает точно в цель. На таких дуэлях он был снайпером.

По молодости ли, по журналистской неопытности или от сознания, что встречи наши только начинаются и впереди — многие годы, я не записывал наших бесед. И теперь в памяти остались какие-то неважные пустяки, какие-то малюсенькие камешки из мозаики его портрета...

Крым, Форос. Я спускался к морю от дачи Горького и из-за деревьев еще издали заметил теннисный корт и быстрые фигурки на нем

Гагарин очень старался, как говорят, выкладывался, носился по площадке со всех ног, но проиграл. Крутя в руках ракетку, подошел, весь в азарте игры, еще не отдышавшийся, с дорожками пота на блестящей спине, и предложил:

— Сыграем?

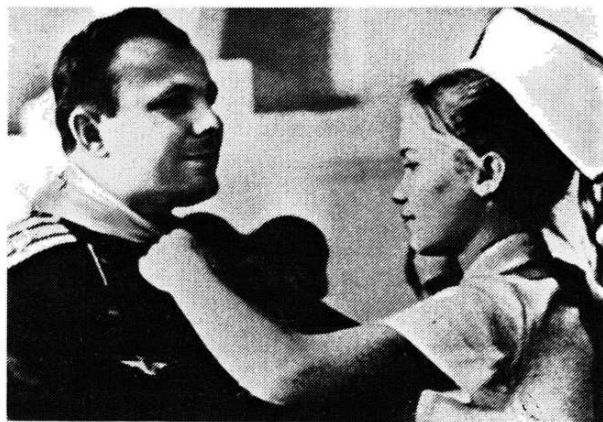
Он хотел победы.

Потом мы ездили в Севастополь: Гагарина и Титова пригласили к себе моряки-черноморцы. На обратном пути он, веселый, сидел в автобусе сзади, рядом со знаменитым летчиком-испытателем Георгием Мосоловым, и они пели шуточную космодромную:

Заправлены ракеты, конечно, не водою...

Много тогда пропели разных веселых песен, и все — с посвистом, с озорной удалью.

Автобус неожиданно повернул, и все увидели за окнами Сапун-гору, где полегло много наших воинов. Мы вышли из машины, направились к панораме. Гагарин пристально смотрел на памятник, и вся его веселость разом

Молдавские школьницы приняли первого космонавта в почетные пионеры.

исчезла, лицо стало вдруг очень серьезным, а глаза — темными, скорбными. Он молча осмотрел панораму и не задавал никаких вопросов экскурсоводу. Потом подсел к столику с книгой отзывов, быстро стал писать. Герман стоял над ним, смотрел через плечо. Опять сели в автобус. Всю дорогу до самого Фороса Гагарин молчал...

Помню, как маленькой группой работников ЦК комсомола и газеты мы приехали в гости к Гагариным. Он водил нас по городку, показывал новую школу, в ней — спортзал, живой уголок и все успокаивал завуча:

— Я обязательно позвоню академику Цицину в Ботанический сад, попрошу для вас разных кактусов, всякой интересной зелени. Позвоню, обещаю...

Он всегда что-то «пробивал», за кого-то

хлопотал: не умел отказывать. А люди шли к нему, знали: его любят, для него сделают...

Вечером ужинали в новой квартире, подомашнему, на кухне. Вдруг он сорвался, побежал, закричал уже откуда-то из дальней комнаты:

— Забыл! Ведь сегодня такой хоккей!

Хоккей не мог ему не нравиться. Это игра в его духе: напор, хитрость, быстрота. Он сам играл в баскетбол, даже был капитаном — самый низенький во всей команде. Раз выбрали капитаном — значит, был ловчее высоких.

И последняя наша встреча. Станция дальней космической радиосвязи. Финиш знаменитой «Венеры-4». Передал в газету репортаж, выхожу на улицу. У «Волги» стоит Гагарин:

— И ты тут! Привет. Говорил с Москвой? Я тут читал тебя...

Что он еще говорил? Не записал, теперь не помню.

— Я в 305-м. Заходи вечером...

Сел в «Волгу».

Вечером я постучался в 305-й номер.

— Их нет, — сказала дежурная проникновенно, — не приехали...

Я заметил у нее на столике приготовленные для автографов открытки.

Никогда не думал, что не увижу больше Гагарина...

Можно сказать, что Гагарина знали все. Все люди земного шара, я думаю, хотя бы однажды слышали это имя. Сотни миллионов людей видели его на экранах телевизоров. Десятки тысяч встречались с ним на митингах и собраниях. Сотни беседовали с ним, чувствовали теплоту его рукопожатия. Лишь немногие были его друзьями, людьми, для которых прежде существовал просто Юра Гагарин, а уж потом Любимец Века. Пройдут годы, и этих людей будет становиться все меньше и меньше: все мы подвластны времени. Память о Гагарине времени неподвластна. Наши далекие потомки будут относиться к Гагарину так же, как мы относимся сегодня к Колумбу.

Но в то утро, когда за ним закрыли посадочный люк, он еще не был символом, он был просто старшим лейтенантом ВВС. Волновался ли он, сидя в космическом корабле? Волновался. Медики видели это по записям пульса и частоты дыхания. И чем меньше времени оставалось до старта, тем больше он волновался. Во время подъема на орбиту частота пульса Гагарина возросла до ста восьмидесяти ударов в минуту, при норме семьдесят. Но ни до старта, ни после не было такой секунды, когда бы он потерял власть над собой. И если сравнить показатели его волнения с подобными показателями других космонавтов, они были не больше, чем у других. Точно такой же пульс был, например, у Ричарда Гордона, когда космический корабль «Джемини-11» состыковался с беспилотной ракетой «Аджена» в сентябре 1966 года. Гагарин волновался, как должен волноваться всякий нормальный человек.

Королев волновался, конечно, больше, чем Гагарин. За десять минут до старта он спустился в командный бункер. На связи с «Востоком» был Павел Попович. Иногда микрофон брал Каманин, перед самым стартом — Королев.

Королев не отдавал приказаний и не объявлял готовность по времени. Это делали «пускающий» Анатолий Семенович Кириллов (именно он нажал на кнопку «Пуск») и заместитель Главного конструктора по испытаниям Леонид Александрович Воскресенский. Ко-

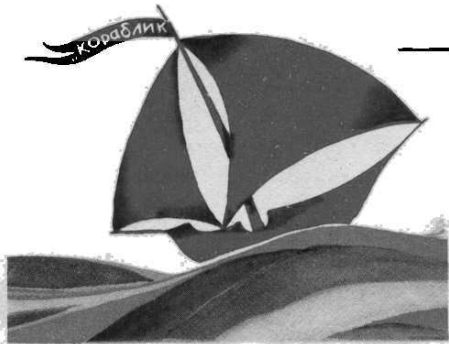

Цветами встречали Гагарина юные москвичи...

ролев был рядом. Он говорил с Гагариным и одновременно точно фиксировал в своем мозгу все происходящее. Все — люди и автоматы — действовали слаженно и четко. И только на миг отвлёк его от работы далекий голос, который услышал он сквозь треск электрических разрядов:

— По-с-ха-ли! — крикнул Гагарин.

Через несколько минут произошел сброс головного обтекателя, и Гагарин увидел в иллюминаторе голубую Землю и совершенно черное небо. Яркие немигающие звезды смотрели на него. Этого никогда не видел ни один человек Земли.

«Посылаю вам стихи, которые я посвятила годовщине со дня рождения В. И. Ленина». Тая СЛЕПОВА, шестой класс, школа № 393, Ленинград. Член клуба «Дерзание» при Дворце пионеров имени А. А. Жданова.

С именем Ленина

Он родился в прошлом столетье,
Мы родились намного позднее.
Мы о Ленине с детства знаем:
Вождь, Учитель и Друг детей!
Это имя и в сердце, и в памяти,
Это имя, как птицы полет!
Пионерия имя Ленина,
Как священное знамя, несет!

*

«Здравствуй, «Кораблик»!
У меня сегодня хорошее
весеннее настроение! Же-
лаю и тебе такого! Однаж-
ды я проснулась от...
Впрочем, об этом я напи-
сала стихотворение. Вот
оно». Света ЯКИШЕВА.
Город Сочи. Свете 12 лет.

Весна!

Только солнце из-за гор
Выглянуло сонно,
Кто-то тихо постучал
В переплет оконный.
Это старый воробей!
Мы с ним очень дружим:
Часто я его спасала
От голодной стужи.
Он зажмурился на миг,
Будто бы чихает:
«Просыпайся, чик-чирик!
Чик!» — и улетает...
Шлет весна еще гонцов,
Радостных, веселых.
Слышу пение воробьев —
Наших новоселов.
Я встаю, иду во двор,
Наслаждаюсь светом,
Слушаю я птичий хор...
А тепло — как летом!

Эти стихи прислал Валерий
ЛЮДКЕ из города Шуя Ива-
новской области.

Мальчишки

Снятся мальчишкам фрегаты,
Зовущие вдаль паруса.
Снятся мальчишкам закаты,
Соседской девчонки глаза.

Им быстрая конница снится,
И запах таящих цветов,
Ракета, что в космос умчится,
И тайны арктических льдов.

*

Света ТАВЛИЯРОВА из города Уфы очень
любит природу. Свое стихотворение она
назвала:

История синих подснежников

Весна идет. Небо синее-синее.
В лесу звенит хрустальная тишь.
Все веселое, праздничное, красивое.
И проснулся подснежник-малыш...

Но вдруг... Пришел человек — он по лесу гулял.
Увидев цветы, он от радости бросил шапку.
И долго цветы он жадно, безжалостно рвал,
Пока не нагреб большую охапку.

И в лесу стало мрачно, темно.
Спряталось солнце, умолк дятел-врач.
А человек ушел — ему все равно.
Ему не слышен цветов синих плач.

Человек долго ехал — дом его далеко.
Его дома уж, может быть, ждали.
А цветам без воды нелегко,
И цветы незаметно завяли,

К концу пути некрасивыми стали,
Выбросил их человек, их не жалко ему.
И цветы под ногами лежали —
Смятые, уж они не нужны никому.

Люди! Не рвите подснежники синие!
Зачем вам охапки? Прошу вас, не рвите!
В лесу ведь они еще красивее!
Вы их посмотреть, а не рвать приходите!

Сергея ФЕДОРОВ живет в городе Риге, учится в восьмом классе. Мечтает стать журналистом.

Неудача Андрея

Назойливо выла сирена будильника. Андрей зевнул и натянул сползающее одеяло. Ему снилось, что родители наконец-то выписали ему новейшую конструкцию технического робота с программным управлением. Сперва робот только застенчиво подмигивал голубой лампочкой, но, войдя во вкус, стал щелкать задачи по алгебре как орешки. Затем робот переписывал их в тетрадь, делая грамматические ошибки, чтобы школьные учителя-киберы не догадались своими электронными мозгами, где здесь зарыта механическая собака.

Прекрасный сон оборвался, начались будни.

Наспех одевшись, Андрей угрюмо ковырял вилкой в тарелке с кашей.

— Кашу едят ложкой,— проскрипел домашний робот по прозвищу Башмак.

Андрей презрительно фыркнул и подумал, что Башмак — лентяй и ему пора на переплавку. С потускневшей от времени полировкой, съехавшим на бок реле и полустертой магнотапкой он напоминал стальное огородное чучело.

Башмак был строго запрограммирован отцом, работающим в одном из подводных городов у берегов Австралии. Ему не разрешалось что-либо подавать Андрею и убирать за ним. Так отец хотел приучить сына к самостоятельности. Мама, сотрудник Института космологии, перед тем, как улететь на Луну в район Океана Бурь, не поспулилась на слова и ввела в систему робота сорок три нотации, девяносто восемь замечаний и множество полезных советов.

Самое обидное было то, что родители спрятали пульт управления Башмаком. Андрей мечтал, что, завладев пультом, он отключит блок запрограммированных нотаций, включит регулятор заботы и... из дребезжащего и скрипучего пугала робота превратится в лучшего помощника.

Дождавшись, когда Башмак удалился в другую комнату смотреть очередную программу для электромеханических роботов, Андрей уже в который раз принялся искать пульт управления. Он почти не надеялся найти пульт в кухне, но, решив действовать методично, раскрыл дверцу буфета, сунул туда руку и нащупал за коробкой с крупной банкой с ананасным джемом. В тот же момент дверь кухни распахнулась и показалась знакомая фигура домашнего тирана.

— Ай-ай, нехорошо лазить в буфет, есть варенье в неподобающее время, мне жаль, но у меня программа.— Робот пустил маслянистую слезу и оттащил Андрея от буфета. Затем это кошмарное изобретение XXI века удалилось с сознанием исполненного долга.

Но неутомимый сыщик продолжил свои поиски в гостиной. Бегло осмотрев секретер, он наткнулся на тяжелый сверток. Развернув его, Андрей увидел продолговатый предмет со множеством кнопок и рычажков.

«В ЛЕСУ».

Рисунок Лены ПОДСТРЕШНОЙ, ей 8 лет.

— Ура!—закричал он и тут же услышал знакомое нудное урчание. Робот уже был в гостиной.

— Ты опоздаешь в школу. Опаздывать плохо. Ты не выполнил домашнее задание по океанографии. Ты не...—Робот соображал, за что еще можно отругать своего подопечного. Андрей нажал наугад какую-то кнопку. Раздался негромкий щелчок, и Башмак неожиданно бросился к обладателю пульта.

— Тебе холодно, ты можешь простудиться, надень пальто, свитер и шапку с внутренним обогревом. Ты голоден...—Робот метнулся в кухню и приволок кастрюлю котлет с полуметровыми макаронами.

Андрей понял, что его мечта сбылась: кнопка, которую он нажал, несомненно, была регулятором заботы. Но какая это была забота!

— Я хочу в школу,—только и успел пробормотать Андрей, стараясь стянуть с себя ненавистное жаркое пальто.

— В школу?—Башмак даже подпрыгнул.—Ты можешь переутомиться!

Робот уложил Андрея на диван, обложил подушками и запел колыбельную песню, от которой вся посуда в квартире жалобно застонала.

Допев песню, Башмак заспешил к телевизору смотреть программу для роботов. Андрей осторожно выбрался из-под груды подушек, взял портфель, незаметно вышел из дому и помчался в школу.

Робота новой модели ему уже не хотелось...

Владимир ЖЕЛЕЗНИКОВ,
лауреат Государственной премии СССР

Всего-то несколько дней...

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 3.

Рисунки В. ДУДКИНА.

— Вот видишь, какой Димка был человек — добрый, — сказала Ленка. — А потом он себя еще отчаянным храбрецом показал. Было это так...

Мы возвращались с Димкой домой. И вдруг увидели Вальку. Он бежал трусцой нам навстречу, на поводке тянул собаку, маленькую такую, на кривых ногах и с большими лохматыми ушами.

Валька заметил нас и нырнул за угол. Димка бросился за ним, а я за Димкой. Валька прижался к стене и смотрел на нас какими-то странными глазами.

«Какая у тебя собака хорошая. — Я погладила ее. — Только что это ее так колотит? Заболела она, что ли?»

Валька не успел мне ответить, потому что Димка вцепился в него, вырвал собаку и выпустил.

«Мой поводок! — заорал Валька, высвобождаясь из Димкиных рук. — Петька!.. На помощь!»

Я не поняла, почему Димка так ошалел и почему Валька кричал «поводок» и звал на помощь какого-то Петьку.

Петька, старший брат Вальки, тут же по-

явился. Он здоровый, ему скоро в армию. Я его сразу узнала, он шофер с уборочной машины.

А Валька, как увидел Петьку, заорал еще сильнее:

«Петька, он мою собаку с поводком упустил!»

Петька подтянул Димку к себе и вежливо сказал:

«Ты уж извини, дружок, но я должен сделать тебе больно. Ты сам заслужил».

И он так звезданул Димку по скуле, что тот пролетел мимо меня и шлепнулся на землю.

«Заработал? — захохотал Валька. — Знай наших».

«Всего доброго, дети», — сказал Петька.

Они ушли не оглядываясь. А я не бросилась за ними, не вступилась за Димку, не позвала на помощь. Вот стыдно!

Ленка посмотрела на Николая Николаевича.

— Я же тебе говорила, что раньше была трусихой. Это я теперь ничего не боюсь. Никогда больше не отступлю. Ни-ког-да! Ни перед чем. А тогда я задрожала и подошла к Димке, когда Валька и Петька уже совсем скрылись.

Другой бы на месте Димки обиделся, а Димка — нет.

«А я опять струсил», — созналась я.

«Ничего. Смелость — дело наживное. — Димка потер ушибленное место. — Я у него, подлеца, третью собаку отбиваю! Он их на живодерню поштучно за рублевку сдает».

«Ну и тип этот Валька! С тех пор, как он на меня в волчьей морде напал там, на фабрике, он мне все время кажется волком», — призналась я Димке.

«Ну, это уж слишком», — ответил он.

«Волк он, волк, — крикнула я, — раз для него самое главное — деньги».

«А Петька похлестче Вальки, — сказал Димка. — Рыбу на реке глушит».

«Жалко, — сказала я. — Я думала, вот стоит городок четыреста лет и все в нем хорошие... А Валька живую жизнь своими руками — на живодерню. Я про таких только читала. А ты, Димка... ты просто герой!»

Я, правда, думала, что он герой. А он смутился:

«Да брось ты!..»

«Нет, ты настоящий герой. Самый настоящий! — Потом вдруг набралась храбрости и спросила: — Можно я буду с тобой дружить? — А сама даже испугалась собственной храбрости.

«Ну давай», — согласился Димка.

А я спросила его:

«На всю-всю жизнь?..»

«Ну давай», — улыбнулся он.

От восторга я... — Ленка на мгновение замолчала, — ну, в общем, поцеловала его в щеку. Просто от восторга, что он герой и что он теперь будет моим самым надежным и близким другом.

— Дедушка, я так тогда была рада! — Глаза у Ленки стали восторженными, голос громким. Она, когда восторгалась чем-нибудь, то переставала стесняться, совсем не контролировала себя, и это ее свойство тоже очень нравилось Николаю Николаевичу. — А когда я его поцеловала, то я совсем не испугалась, а представляешь себе, весело рассмеялась.

Он очень удивился:

«А это еще зачем?»

«Так женщины, — говорю, — раньше благодарили рыцарей». — Я веселая была в тот момент и даже забыла, что у меня «рот до ушей, хоть завязочки пришей». — А ты, Димка, рыцарь, ты спас от Вальки собаку и меня. И она сейчас, счастливая, рассказывает всем собакам города: «Ну и Сомов — молодец!»

В это время у меня над ухом раздался свист и хохот.

Я оглянулась — перед нами стояли Петька и Валька. У них на поводке болтался тот же самый несчастный лопоухий пес, которого спас Димка. Оба, довольные, хохотали, что снова поймали несчастную собаку и к тому же подслушали наш разговор.

Я им прямо в лицо крикнула:

«Это нечестно!.. Подслушивать...»

«Барышня обиделась», — сказал Петька и сделал грустное лицо.

«А ты, «льцарь», не обиделся?» — спросил Валька у Димки и нахально толкнул его плечом. При Петьке он был большой храбрец.

А Димка как бросился на Вальку, даже Петьки не испугался. Вот какой он был раньше! Только Петька перехватил его, поднял над землей, и Димка повис в воздухе, болтая ногами, — Петька ведь здоровый, на две головы выше Димки — и процедил, ну, почти пропел сладким голосом, как Шмакова:

«Давай, дружок, еще раз поцелуемся. — Захватил его лицо громадной ладонью, повертел голову, словно хотел ее отвинтить. Димка задышался, потому что Петька закрыл ему ладонью рот и нос. — И прошу тебя, дружок, — пел он дальше, — не разглашай нашей маленькой тайны про эту собачку. Договорились?..»

«Договорились», — промычал Димка сквозь пальцы Петьки, стараясь разжать железные тиски его ладони.

«Ну, я рад, что ты все правильно понял», — ухмыльнулся Петька.

И, волоча собаку под смех и выкрики Вальки, они снова ушли. И собака отчаянно упиралась, мотала головой и подымала пыль своими ушами — мне ее так было жалко.

Димка покосился на меня, погрозил кулаком вслед братьям и крикнул почему-то негромко:

«У-у-у, Валька!.. Только сунься в школу!.. — А когда они отошли совсем далеко, он чуть прибавил голос: — Живодеры!»

А я сложила руки рупором, чтобы было громче слышно, и заорала:

«Жи-во-де-ры-ы-ы!»

Петька остановился и посмотрел в нашу сторону... Нас как ветром сдуло, потому что Димка схватил меня за руку и мы убежали. А я расхрабрилась и говорю:

«Правда, он услышал, как я кричала?»

«Услышал, — ответил Димка, — но, понимаешь, с этим надо быть поосторожней. Мы что?.. А он что?!»

«Он здоровый», — вздохнула я.

«Значит, не надо лезть на рожон».

— Дедушка, — сказала Ленка, — ты представляешь, какая я была дура. Представляешь?! Я ему поддакнула. И вообще я все время ему поддакивала!.. Я знаю теперь: поддакивать — это плохо...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шестой класс дружной оравой ворвался в физический кабинет во главе с Димкой, который на ходу размахивал копилкой с деньгами.

Он теперь везде и всюду был первым. Ему уступали дорогу, заглядывали в рот, когда он что-нибудь говорил, у него спрашивали совета по любому поводу. Ему верили, его любили: ведь он их сделал самостоятельными людьми.

Все старшеклассники и даже выпускники ехали в Москву на родительские деньги, а они благодаря Димке Сомову — на собственную трудовую копеечку.

И вот они, веселые, милые, беззаботные, ворвались в физический кабинет, чтобы отсидеть свой последний урок... А потом каникулы и Москва!.. И прочитали на доске объявление, написанное Маргаритой Ивановной, что вместо урока физики будет литература. Развернулись, чтобы идти в другой кабинет, но столкнулись в дверях с Лохматым и Рыжим. Лохматый, хвастаясь своей богатырской силой, один втолкнул всех обратно в класс. И кто-то упал, а девочки запищали. Лохматый и Рыжий были очень довольны своей победой и орали, перебивая друг друга:

— Свобода-а-а!

— Физика заболела-а-а!

— Каникулы-ы-ы! Даешь кино!

Димка сказал, чтобы они не орали, а прочли, что написано на доске. Лохматый и Рыжий стали читать по складам объявление на доске:

— Ре-бя-та!.. У вас-с-с бу-де-т уррро-оккк,— читали они в два голоса,— ли-те-ра-ту-ры!..

Когда они читали подпись Маргариты Ивановны — а она подписалась двумя буквами «М. И.», — то заблеяли овечками:

— Мээээ... Иииии...

Многим понравилось, как они читали, и со всех сторон понеслось блеяние:

— Мэ-э-э-э!

— И-и-и-и!

— Мэргаритэ-э-э! Ивановнэ-э-э!

— А после уроков у нас работа в детском саду,— объявил Димка,— шефская.

— Какая еще может быть работа,— сказал Рыжий.— Завтра же каникулы!..

— А мне родители вообще запретили работать,— пропела Шмакова.— Они говорят: «Лучше учись, а работать будем мы».

— Мы еще только растем! — писклявым голосом вставил Рыжий.

— У нас слабый организм! — рявкнул басом Лохматый.

Они хохотали над собственным остроумием.

— Ничего, поработаете. Нас там очень ждут,— снова начал Димка.— А вы, друзья-товарищи,— сказал он Лохматому и Рыжему,— если не нравится, валите отсюда! А мы дали обещание и выполним его.

— Димочка хочет главным быть,— сказала Шмакова.— Начальник!

— Точно! — захохотал Попов, заглядывая Шмаковой в лицо.— Ребя!.. Димка — начальник!..

— А мы его сейчас по шапке.— Лохматый подошел к Димке.— Надоел ты нам, Сомов, со своей копилкой!.. — Оглянулся на класс.— Верно я говорю?

— Ох, как верно,— простонал Рыжий.— В самую точку.

Димка растерялся. Он никак не ожидал такого натиска. Он привык, что ему все смот-

рят в рот. А тут вдруг бунт! В это время в дверях появился Валька. Он облокотился плечом о косяк двери и небрежно объявил:

— Я не ломовая лошадь, чтобы бесплатно вкалывать. У нас государство богатое.

— Явился наконец! — Димка оживился.— Ребята, а вы знаете, чем занимается наш Валька? Тихо!.. Сейчас я вас удивлю!

Но тут за Валькиной спиной выросла голова, прикрытая кепкой. Это был сам страшный Петька.

— Валечка,— сказал он,— я тебе портфельчик принес.— Он протянул Вальке портфель и прошел вихляющей походкой к учительскому столу.— Здравствуйте, дорогие дети!.. — Повернулся к Димке, потрепал его рукой по щеке.— И ты, дружок, повторно здравствуй.— Он тяжело вздохнул.— Подслушивать, конечно, нехорошо, но я слышал ваши разговоры и понял ваши разногласия... Оказывается, некоторые из вас стремятся работать, в то время как большая часть коллектива желает участвовать в культурно-массовом развлечении, то есть посетить местный кино-театр. Я думаю, что меньшинство должно уступить. Таков закон коллектива. Так что ваша проблема — суший пустяк.

Он повернулся к доске и, что-то напевая себе под нос, стер объявление Маргариты:

— Вот вы и свободны. Как ветер!.. Как моторная лодка, у которой мотор мощнее, чем у рыбоохраны. Будьте счастливы, дети! А ты, дружок,— вежливо сказал он Димке,— не обижай, пожалуйста, моего меньшого.— Он погрозил Димке пальцем, улыбнулся всем и ушел.

Ленка думала, что Димка тут же бросится на Вальку и всем все расскажет, но он почему-то промолчал.

И тут Рыжий в полной тишине неуверенно произнес:

— А может, правда, какой-то неизвестный зашел и стер...

— Ну, ты умный! — обрадовался Валька.

— Значит, мы этого не читали? — рассмеялась Шмакова.

— Ребя!.. Не читали и не слышали,— вставил Попов.

— А Попик у нас сообразительный стал,— хвастливо пропела Шмакова.— Моя школа...

— Мы же Маргариту подведем! — пробовал остановить их Димка.

— Заткнись, подпевала! — заорал Валька.— Даешь кино-о-о!

— Правильно! — поддержал кто-то.

Ребята повскакали со своих мест и бросились к дверям:

— В кино! Даешь кино-о-о!

Димка загородил им дорогу, но они смели бы его, им так хотелось в кино, если бы не крик Васильева:

— А у меня нет денег!

Вот тут-то по-настоящему все и началось. Димка почему-то вдруг забыл, что он только что, вот сию минуту сам не пускал всех в кино,